

Проблема этики в археологии и этический кодекс археолога

Одна из ключевых тем, поднятых в сборнике памяти В.А.Коренько, касается этических проблем в археологии. Нам кажется, что она будет интересна читателям сайта. С разрешения авторов перепечатаем статью д.и.н., чл.-корр. РАН, зав. отделом Института археологии РАН Леонида Андреевича Беляева, Проект кодекса российского археолога, разработанный В.А.Коренько, и в продолжение темы — вышедшую несколько лет назад статью проф. Л.С.Клейна с обсуждением аналогичного украинского Кодекса этики археолога. Приглашаем читателей к дискуссии.

Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

В.А. Коренько и проблемы этики в археологии: к публикации «Проекта кодекса российского археолога»

С Владимиром Александровичем Коренько я познакомился очень поздно, около 2010 года, всего за несколько лет до его неожиданного и безвременного ухода из жизни. Причиной знакомства стала идея провести в «Российской археологии» очередной круглый стол. Мы время от времени собирались тогда, чтобы обсудить острые вопросы развития археологии, коренные проблемы исследований, устройство археологического сообщества, его взаимоотношения с другими науками и социумом как целым. Такие проблемы не всегда очевидны, но они служат важным стимулом для развития научной и организационной активности. В тех случаях, когда такие столы проводятся, важность избранной темы со временем всегда проявляется, приобретая практическое измерение. Так, именно в «Российской археологии» прошла первая большая дискуссия по противодействию браконьерскому поиску и торговле древностями, конечным итогом которой стала широкая кампания по борьбе с разрушителями памятников культурно-исторического наследия России и последовали существенные изменения в законодательстве об охране памятников (Незаконные раскопки и археологическое наследие..., 2002. С. 70–89).

Дискуссия по проблеме хронологических границ археологии и формирования «исторического направления» обеспечила последнему законное место в линейке археологической периодизации, помогла законодательно сдвинуть рубеж охраняемых археологических объектов культурного наследия значительно выше, к началу XX века, и приступить к формированию особого направления археологии Московского периода и Российской империи (Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола... РА. 2005. С. 81–89). Важную роль сыграл и круглый стол по фальсификациям исторических источников (Круглый стол, 2012. С. 181–182). Словом, такие круглые столы не только демонстрируют тревогу археологического сообщества и дают пространство для алармизма, но и помогают в определении общего движения науки.

Одной из коренных проблем охраны памятников археологии и, возможно, более серьезных – самого существования археологического сообщества как достойного, уважающего себя цеха ученых – представлялось в 2000-х годах отсутствие кодекса профессиональной этики, на который могли бы опереться добросовестные исследователи в борьбе с наступающей «коммерциализацией» отрасли и другими проблемами, порожденными новым, вполне спонтанным, запросом общества на участие в создании истории и на право «совладения» древностями. Такой кодекс и ранее существовал в России, но в латентном виде, не проявляя себя наглядно, не был озвучен вербально, не фиксировался печатно, не был принят ни одной археологической организацией или структурой. При этом, такие кодексы уже существовали к тому времени во многих странах, а в России их аналогом мог служить кодекс музейного работника, не говоря уж о традиционной «Клятве Гиппократова».

Не успели мы поставить вопрос о кодексе археолога в повестку дня журнала, как на нашем пути появился Владимир Александрович. Он просто пришел в редакцию, представился и сказал, что будет рад помочь делу, так как профессионально изучает проблемы этики в науке, да и саму систему кодексов ученых сообществ, прежде всего, археологов. Владимир Александрович рождал доверие и симпатию уже одним своим видом и общей манерой поведения. Негромкая и очень спокойная речь интеллигента. Такие же неспешные, плавные, даже чуть заторможенные округлые движения рождали общее ощущение покоя, уверенности, чувство симпатии. Было ясно, что на человека можно положиться в вопросах, требующих сосредоточенного внимания (качество, которое все реже встречаешь в коллегам). С этого момента началось наше сотрудничество и взаимная приязнь. Очень скоро выяснилось, что и самому Владимиру Александровичу остро необходима помощь: ему нелегко приходилось в продвижении идеи кодекса, не хватало слушателей и читателей, не находилось авторитетной трибуны, с которой можно обратиться к сообществу.

Более важным представляется сегодня, впрочем, не обсуждение, а та подготовительная работа по созданию и продвижению кодекса, которую успешно осуществлял Владимир Александрович на протяжении 2000- первой половины 2010-х годов.

Прежде всего, он перевел и подготовил к публикации, со своими комментариями, 8 аналогичных кодексов, принятых в Америке (США, Канада) и Европе. Эти переводы и аналитическую статью мы поместили в журнале (Коренько, 2013. С. 125–142) как материал для дискуссии по российскому варианту кодекса, соединив отсылкой с редакционным заявлением о политике «Российской археологии» в вопросах охраны отечественного культурно-исторического наследия (Беляев, Макаров, Мунчаев, Энгватова, 2013. С. 5–6). Тем самым издатели журнала взяли на себя ответственность за начало дискуссии.

Другим важным шагом стала специальная конференция по вопросам этики и, отчасти, антропологии науки, которую Владимир Александрович смог организовать при поддержке Башкирского государственного педагогического университета им. Мифтахетдина Акмуллы (г. Уфа). По ее результатам был издан, впервые в России, сборник статей о проблемах этики в археологии (по необъяснимой для меня причине, в этом сборнике А.В. Коренько, инициатор и составитель сборника, в числе редакторов не указан, см.: *Этика в археологии*, 2014). Уже тогда проведенное В.А. при составлении сборника анкетирование показало, что заметная (пусть не преобладающая) часть археологов России не считает кодекс необходимым, полагая, что «общечеловеческих норм морали», «законов и положений» и некоего «обычного права науки» достаточно для честной работы, чему «никакой этический кодекс чести не научит». Выражали сомнения и формулировали оговорки сами сторонники принятия кодекса, полагая его принятие преждевременным, так как еще не усвоены «общие нравственные нормы поведения» и гораздо важнее «такое обустройство повседневной практики, при котором нарушения этики были бы чрезвычайно затруднительны, невыгодны и даже невозможны». Видимо, сказала, в том числе, наша общая нелюбовь к созданию обязывающих документов, к работе по кодификации и регламентации жизни. Позже кодекс вызвал известные возражения и у юристов, так как он оказывался своего рода лишним, невольно тормозящим и затрудняющим работу по совершенствованию законодательства в области охраны памятников истории и культуры, которое успешно развивалось, закрывая часть этических проблем простыми законодательными запретами. Сыграло свою роль и отсутствие в современной России традиции неофициального, но публичного коллективного действия, клубной и цеховой самоорганизации, играющей столь важную роль в структурировании западного общества.

Подобная реакция была отчасти предсказуема (см: Беляев, 2014. С. 11–17). Деятельность Владимира Александровича оказалась особенно трудной, потому что была, в значительной степени, социальной. Для ее успеха требовались не только качества серьезного ученого (ими он обладал в полной мере) и даже не только свойства лидера. Предполагалась изначальная готовность сообщества к участию в процессе. Пусть неосознанная, но сильная внутренняя потребность сформулировать для себя и принять этические нормы. Следует признать, что этого встречного движения мы не ощутили. Коллеги восприняли идею кодекса в целом одобрительно, но и только. В каком-то смысле призывы к публичному обсуждению и принятию документа оказались гласом вопиющего в пустыне. Владимир Александрович был человеком очень последовательным и упорным, он твердо держался раз избранной стези и никогда не оставлял усилий. Но этого оказалось недостаточно в такой «теплохладной» обстановке.

От печатания проекта на страницах журнала мы решили отказаться (оставив для него место на полях всероссийских съездов) – также как и от проведения круглого стола. Вернее, мы его провели, но не в формате журнала, а сразу на более широкой площадке, на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани в 2014 году (20–25 октября), где в заключительный день работы прошла публичная и очень многолюдная, несмотря на уже начинавшийся разъезд, дискуссия – на нее собралось около 80 участников. Социально-психологическая «томограмма» аудитории показала примерно ту же картину, что и предварительное анкетирование (см. дискуссию: *Круглый стол «Этика и археология»*, 2015. С. 342–345). Журнал ограничился фиксацией самого факта проведения дискуссии (в хронике, составленной самим Владимиром Александровичем: Коренько 2016. С. 183–184) и публикацией ее стенограммы в трудах съезда в Казани, где была представлена и отредактированная им версия самого кодекса.

В данном сборнике кажется правильным еще раз опубликовать подготовленный В.А. Коренько проект кодекса как авторский документ, с небольшими редакторскими правками (их можно считать началом общей работы над кодексом). Будем надеяться, что его время придет, что на одном из общероссийских форумов он будет реанимирован и, после необходимой доработки, принят сообществом. Это стало бы превосходным памятником скромному, глубоко порядочному и достойному человеку. И, что еще важнее, – одним из камней в фундаменте здания археологии в России.

Список литературы:

- Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола // РА. 2005. С. 81–89.
- Беляев Л.А. Человек ли археолог? Размышления при чтении профессиональных кодексов // *Этика в археологии* / Отв. ред. Г.Т. Обьденнова. Уфа: БГПУ, 2014. С. 11–17.
- Беляев Л.А., Макаров Н.А., Мунчаев Р.М., Энгватова А.В. Журнал и охрана археологического наследия // РА. 2013. № 4. С. 5–6.
- Коренько В.А. Законодательство в области охраны археологического наследия: зарубежный опыт // РА. 2013. С. 125–142.
- Коренько В.А. Проблемы профессиональной этики на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде // РА. 2016. № 2. С. 183–184.
- Круглый стол «Археология и большой нарратив русской истории: проблемы борьбы с фальсификацией прошлого» // РА. 2012. № 2. С. 181–182.

Круглый стол «Этика и археология» Казань, 25.10.2015 // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. V / Отв. ред. А.Г. Ситдииков и др. Казань: Отечество; М.: ИА РАН, 2016. С. 342–345.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола // РА. 2002. № 4. С. 70–89.

Этика в археологии. Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: Уфа: БГПУ, 2014. 185 с.

В.А.Кореняко

Этический кодекс российского археолога. Проект.

Вступление.

Настоящий этический кодекс (далее Кодекс) российского археолога, работающего в области фундаментальной науки (охраны культурного наследия, преподавания, просвещения), является совокупностью этических нравственных принципов, норм и правил поведения, объединяющих археологов в единое сообщество (корпорацию, цех). Археологи одобряют и принимают Кодекс абсолютно добровольно, ощущая и наблюдая угрозу археологической науке и археологическому наследию России и всего мира, исходящую со стороны разнообразных вызовов современности, и осознавая необходимость противостоять этим вызовам, прежде всего, внутри собственного сообщества. Одобряя Кодекс, археологи демонстрируют готовность руководствоваться в своей деятельности нижеизложенными принципами, нормами и правилами.

Задача Кодекса – сформулировать те, до сих пор вербально не закреплённые, но традиционно сложившиеся нормы поведения археологов, соблюдение которых позволит укрепить принцип научного целеполагания в археологии, поможет археологам упрочить положение своего сообщества в культурном пространстве России. Принятие Кодекса позволит нам с уважением относиться друг к другу и, в какой-то степени, к самим себе. Любой археолог, а также группа археологов вправе присоединиться к тем, кто Кодекс уже принял. Никаких юридических и административных последствий принятие, а равно и отказ от принятия кодекса не предполагает.

Раздел 1. Базовые принципы археологии

1.1. Археолог признаёт своей главной обязанностью сохранение археологического наследия и служение ему в высших интересах общечеловеческой культуры и фундаментальной науки. Он воздерживается от любых действий, которые могут способствовать разрушению археологического наследия, разорению недвижимых объектов археологии, изъятию предметов из археологического контекста.

1.2. Археолог признаёт важность международных правовых документов, а равно и законов Российской Федерации, относящихся к его деятельности.

1.3. Археолог высоко ставит этические принципы своей науки, избегает любых действий, способных принести археологической профессии дурную славу или иной вред.

1.4. Археолог стремится к высшим научным стандартам, не допуская отклонений в сторону дилетантизма, коммерциализации или политизации исследований.

1.5. Археолог, в целях осуществления программы исследования, готов совершенствовать подготовку, приобретать опыт, привлекать необходимое оборудование и средства, а также необходимых специалистов из других наук.

1.6. Археолог признаёт подотчётность археологии обществу и необходимость тесной связи между наукой и культурой. Он стремится распространить археологические знания и научные достижения в тех формах, которые не наносят ущерба сохранности памятников фундаментальной науки.

Раздел 2. Общие этические нормы, включённые в область археологии

Археолог при подготовке исследовательских отчётов, публикаций и иных продуктов научной работы не нарушает общих требований науки и общечеловеческой этики. Он противодействует:

2.1. – использованию археологических данных для разжигания расовых, этнических, религиозных и политических конфликтов;

2.2. – фальсификации научных данных, их подгонке к ожидаемой фабрикации и подлогу данных, включая подделку или перемещение артефактов из одного контекста в другой и прочее;

2.3. – плагиат, публикация под своим именем чужих работ, присвоение чужих экспериментальных и полевых данных;

2.4. – нарушение норм публикаций, почётное и принудительное соавторство, многократные публикации одного и того же материала, нарушения правил цитирования от замалчивания неугодных публикаций до фальсификации библиографии.

Нарушение общих законов этики выводит сочинения за грань науки, а нарушения п. 2.2. ставят автора на грань преступления.

Раздел 3. Специфические нормы профессиональной этики археолога

3.1. Археолог и организация раскопок.

Выступая как полевой исследователь, археолог:

3.1.а: признаёт приоритет спасательных охранных раскопок;

3.1.б: признаёт, что раскопки с иными целями допустимы в силу особо важных причин и должны планироваться так, чтобы наносить археологическим памятникам минимальный ущерб;

3.1.в: оценивает необходимость и возможность осуществления любых раскопок на высоком научном уровне (вплоть до публикации результатов) прежде, чем он примет на себя ответственности за участие или руководство конкретным археологическим проектом, и только на основе предварительной всесторонней оценки ситуации;

3.1.г: принимает на себя ответственность в отношении материалов, полученных в результате археологических разведок и раскопок, то есть осознаёт необходимость подготовки отчёта, адекватно и исчерпывающе представляющего результаты работ и археологический объект; сдачи отчёта на долгосрочное и надёжное хранение в государственное учреждение; обработки коллекций и передачи их на такое же хранение в государственные музейные фонды Российской Федерации; публикации результатов своих исследований в разумные сроки.

3.2. Этика и контрактная археология.

3.2.а: археолог осознаёт, что в настоящее время в России гораздо чаще проводятся не целенаправленные научно-исследовательские, но контрактные (западный термин) или (в российской терминологии) охранные и спасательные исследования;

3.2.б: археолог осознаёт, что развитие контрактных исследований – одно из условий для сохранения археологического наследия, для общего развития археологии как области культуры и науки и даже для самого её существования;

3.2.в: археолог воспринимает коммерциализацию как реальную угрозу сохранности археологического наследия, высшим целям человеческой культуры и научного знания;

3.2.г: участвуя в исследованиях, финансируемых по контрактной системе, археолог не допускает снижения качества работ, но стремится добиться их соответствия высшим стандартам фундаментальных, некоммерческих, научных археологических исследований.

3.3. Археология и нелегальный поиск древностей.

Археолог категорически избегает любых действий, которые ведут к повышению коммерческой ценности археологических предметов, к коммерциализации археологических объектов, их эксплуатации в качестве товара («коммодификация»), использованию для личного потребления или получения прибыли.

В силу этого:

3.3.а: археолог не составляет и не хранит личные коллекции археологических предметов;

3.3.б: археолог не участвует в торговле и не способствует частному коллекционированию древностей и в любых формах оборота недокументированных древностей;

3.3.в: археолог не поддерживает контакты с нелегальными копателями, диггерами и т.п.

3.3.г: археолог не участвует в атрибуции, описании, экспонировании, публикации и иных видах введения в оборот нелегально добытых археологических предметов, не имеющих документально подтвержденного происхождения.

Заключение.

Данные этические нормы не охватывают всего пространства этики археолога. Таких как: научное общение и полемика с коллегами; цитирование и соавторство; отношения в научном коллективе; оценка оптимального количества публикаций; проблемы рецензирования; другие вопросы организации научной работы. В этих случаях, сталкиваясь с проблемами этики, археолог исходит из общих этических принципов, норм и правил поведения, принятых в науке. Он исходит из недопустимости снижения научного уровня работ, допущения конфликта интересов, причинения вреда науке, культуре и обществу.

Предлагая кодекс, археологи России осознают необходимость дальнейшего совершенствования представленных базовых принципов. Кодекс открыт для внесения дополнений после соответствующего обсуждения. Такое обсуждение должно проходить на электронных площадках, в печати и на любых собраниях. Инстанцией для внесения изменений и дополнений предполагаются Всероссийские археологические съезды как периодические и наиболее представительные собрания археологов России.

проф. Л.С.Клейн

Кодекс этики археолога как дело чести страны

По поводу статьи Я. П. Гершковича «Хранители нелегальных древностей в Украине»

Киевский журнал «Археология» (2005, 3) опубликовал статью Я. П. Гершковича, а затем организовал (2006, 4) обсуждение принятого Институтом археологии Украины Кодекса этики археолога. Статью, Кодекс и обсуждение я прочел с пристальным вниманием и симпатией. Разумеется, Я. П. Гершкович заслуживает всяческой поддержки. Он хотя и не первым поднял эту проблему на пост-советском пространстве (были такие статьи и на Украине и в России и в других республиках), но первым сумел довести обсуждение до принятия украинским Институтом археологии документа — Кодекса этики археолога. Это важный шаг. Тем не менее, для целей, поставленных в дискуссии, далеко не достаточно предложенных статей Кодекса, да и самого принятия Кодекса.

Во-первых, Кодекс этики археолога по необходимости должен включать в себя не только меры противодействия разграблению археологического достояния человечества, но и другие проблемы. В частности, он должен регулировать отношения археологов с местным населением, претендующим на распоряжение древностями. Имеются в виду не только туземцы отсталых стран, считающие все могильники своей территории (даже палеолитические) погребениями предков и препятствующие раскопкам (с этим столкнулись археологи Америки и Австралии), но и настроения верующих, которым претит нарушение покоя мертвых.

Далее, в Кодексе указаны права держателя Открытого листа на пользование материалами раскопок, но не оговорены обязанности такого держателя. Между тем, в моду вошли экспедиции, охватывающие одним Открытым листом огромные территории, которые держатель листа не способен охватить контролем. Он делит экспедицию на отряды и во главе каждого ставит профессионального археолога, который фактически и ведет раскопки (и полевой дневник) на памятнике. А «авторское» право, выходит, остается за начальником всей экспедиции (на этом был основан мой конфликт с С. И. Капошиной за раскопки Садового кургана). Но ведь в этом случае начальник экспедиции ничем не отличается от директора института — почему уж тогда не числить авторское право за директором? Очевидно, Открытый лист нельзя считать документом на авторские права, это лишь документ на право производить раскопки, а вот как им воспользовались — реально проводили или перепоручили другим, ограничившись организационной деятельностью, — зависит от обстоятельств реальной работы.

Словом, не стоит рассматривать Кодекс как направленный исключительно на противодействие разграблению.

Во-вторых, рынок торговли незаконно добытыми древностями не признает политических границ между государствами. Он руководим только сферами интереса к тем или иным древним культурам, а это часто общеевропейский и общемировой интерес. В России, насколько я знаю, нет больших частных коллекций, по крайней мере, на свету. Но «чёрная археология» свирепствует — с ориентировкой на зарубежный рынок. Мой ученик и многолетний соратник по экспедиции Александр Ильич Семенов был очень принципиальным человеком (некоторые коллеги считали: болезненно принципиальным). Он стойко противодействовал частным охотникам за древностями, наперегонки с ними выживая для Эрмитажа золотые византийские монеты большого клада, разграбленного на Северном Кавказе. В одном из таких походов пропал без вести — несомненно, убит конкурентами, скупщиками золота.

Упразднение частных коллекций на Украине не закроет «чёрную археологию». Зарубежный спрос и даже прямые заказы из-за рубежа не исчезнут, а они вызывают не только деятельность «чёрных археологов», но и регулярные ограбления музеев — вплоть до Эрмитажа (имею в виду недавний скандал, о котором много шумела пресса). Поэтому частные акции типа украинского Кодекса этики хороши только как примеры. Деятельность нужно ставить широко — сразу нескольким соседним государствам, нескольким братским археологиям, на общих конференциях, создавать межгосударственные комиссии. Принимать общие меры. Украинский институт оказался на пост-советском пространстве зачинателем — теперь нужно обратиться к российским, молдавским, белорусским и другим родственным учреждениям с предложением принять общие документы.

В-третьих, полагаться на принятие Кодекса в борьбе с разграблением археологического достояния нации было бы такой же наивной иллюзией, как упование на «моральный кодекс коммунизма» в борьбе с преступностью и на бесчисленные призывы властей — в искоренении коррупции. Требуется воспитание археологов с младых ногтей в атмосфере неприятия дурных и беспринципных методов достижения результата в науке. А это означает, что нужны, разумеется, показательные примеры принципиального поведения старших (и примеры провала противоположного поведения — казус Джеймса Меллаарта с публикацией Дорака, закрывшей Меллаарту путь к раскопкам в Турции несмотря на все его заслуги). И нужен в системе археологического образования обязательный курс профессиональной археологической этики — не менее обязательный, чем курс полевой методики или археологии бронзового века. Во всех университетах! Вероятно, полезно было бы создание национальных и международных экспертиз по профессиональной этике и товарищеских судов археологов.

В-четвертых, сотрудничество профессиональных археологов с «черными» при всей злобедности (конечно, его нужно запретить), образует лишь малую толику в стимуляции охоты за древностями и атмосферы ее вольготности. Нужна неустанная

работа по просвещению общественности, чтобы жизнь «чёрных археологов», частных коллекционеров древностей и торговцев древностями стала столь же неудобной, постыдной и скрываемой, как кража кошельков в вагоне трамвая. До тех пор, пока раскопать городище и курган без открытого листа – всё равно, что бросить окурочку мимо урны или оставить бутылку в парке, археология останется в значительной части «черной», а наши города – грязными.

Уважительное отношение к древностям должно стать частью нашей культуры – как в Дании, где найдено более трехсот так наз. «болотных трупов» не археологами, а местными жителями – и ведь не упущены, не выброшены полицией. Надо, чтобы весь народ знал и берег древности. А для этого рецепт известен – долгое и неустанное воспитание народа. Поэтому в Институтах археологии нужно, на мой взгляд, создать Отделы археологического просвещения, которые бы занимались профессионально (и имели на это средства) пропагандой научного восприятия древностей среди населения, особенно среди молодежи. Это и выпуск научно-популярной литературы, фильмов, телепрограмм, и организация детских кружков (я сам долго вел школьный кружок при кафедре археологии Университета), и налаживание участия школьников в археологических экспедициях. А в Университетах нужно учить археологов не только археологии, но и умению ясно и ярко говорить и писать.

Одним из направлений деятельности таких Отделов должна стать борьба против националистических спекуляций на основе археологических памятников. Такие националистические бредни не только создают атмосферу ксенофобии и урапатриотического шапкозакидательства (опасного для любой страны), но и специально мостят дорогу националистическому коллекционерству, искусственно завышая цену на циркулирующие в торговле древности. В России это скифское и сарматское золото, актуализируемое фантазиями скифо-славянской преемственности, или беснования вокруг «арийско-славянского» Аркаима, паломничество к кавказским дольменам за магическим просветлением. На Украине это, конечно, «суперцивилизация» триполья, сказки о государстве Аратта и т. п. На этой ниве десятилетиями подвизался Ю. А. Шилов. Институт археологии изгнал его из своего коллектива и на этом успокоился. Но Шилов перешел в писатели, поддерживается депутатами и издается многотысячными тиражами, а археологи пишут на страницах своего журнальчика и остаются правы ... в своей среде. Задача в том, чтобы народ читал и слышал не Шилова и Чмыхова, а профессиональных археологов, говорящих на доступном языке убедительно и увлекательно. По-украински и по-русски.

Это – долг национальной интеллигенции и дело чести страны.